

МИССИЯ ДОБРОЙ ВОЛИ ЗАВЕРШЕНА

Никита Сергеевич Хрущев

МОСКАВА встречает Никиту Сергеевича Хрущева, возвращающегося на Родину после исторической поездки по странам Азии. Двадцать пять дней длилась миссия дружбы и доброй воли: глава Советского правительства провел тридцать дней на прекрасных зеленых островах Индонезии, был в древней Индии; в Бирме, в горном Афганистане. Всюду, где появлялся посланец Советской страны, его встречали многочисленные толпы людей, радостные лица, улыбки, несмолкаемая овация. Тысячи рук, поднятые в приветственном жесте, разноязычные слова дружбы и любви... Разные люди, разные языки, но единое чувство связывает индонезийцев, индийцев, бирманцев, жителей Афганистана: доверие, глубокое уважение к государственному деятелю, в человеку, однодушно поддерживающему мирную политику Советского Союза, восхищение успехами и достижениями страны социализма в области науки и техники, благодарность за щедрую помощь, за поддержку национальной независимости стран, сбросивших колониализм.

Нет, не только друзья признают успехи миссии дружбы Н. С. Хрущева. Буржуазные агентства и газеты, радиостанции говорят о небывалой силе дружеских изъявлений, пишут о том, что посланец Советской страны нашел путь к сердцам миллионов. Какого же государственного деятеля когда-либо встречали так, как главу Советского государства?

Вот свидетельство корреспондента французского буржуазного агентства Франс Пресс:

«Хрущев пришел, увидел, победил.

Это самое меньшее, что можно сказать о тринадцатидневной триумфальной поездке советского посла по Индонезии... Но это еще не все. Длительные переговоры между двумя руководителями принесли положительные результаты для обеих стран...

Почти полмиллиона человек приветствовали Н. С. Хрущева по прибытии в Джакарту, и столь же большие толпы встречали его вновь, куда он ездил во время своего путешествия по Яве и Бали. Нет никакого сомнения, что этот успех былдержан главным образом благодаря выдающейся личности Хрущева, его живому уму и дружелюбию, но не в меньшей степени благодаря умению советского руководителя вести «правое дело» в «правильном» месте.

Может быть, поставив кавычки у слов «правое дело», французский корреспондент хотел не сколько снизить значение своих признаний? Придать этим словам иронический смысл? Неудачная попытка! Народы стран Юго-Восточной Азии действительно считают правым делом стремление Советского Союза жить в мире и дружбе со всеми народами, бескорыстно помогать слаборазвитым странам, отстаивающим свою независимость. «В глазах индонезийского народа, — заявил Президент Сукарно, — наш высокий гость является символом дружбы между народами, символом борьбы против колониализма и империализма, символом справедливого и процветающего общества, короче говоря, — символом желания человека жить зажиточно и спокойно, в мире и счастье».

Та же мысль выражена на страницах индийских газет, единодушно одобряющих стремление Советского Союза отствовать мир для всех народов. Газета «Хиндустан стандарт» подтверждает в заголовках: «Разоружение жизненно необходимо». Хрущев призывает покончить с «холопией войной». Призыв к единству и сосуществованию. Международная обстановка улучшилась».

И так же, несомненно, думают десятки тысяч афганцев, устроивших, по словам другого корреспондента Франс Пресс, «небывало восторженный прием советскому почетному посланнику Никите Хрущеву». «Колония автомобили прокладывала себе путь сквозь лиющуюся толпу. Когда автомобили пересекли небольшой мост через реку Кабул, группы мужчин и школьников, к которым присоединилось много женщин, — это небывалое явление в Афганистане, — буквально засыпали почетного гостя конфетами. В другом месте машины приходилось продвигаться прямо-таки сквозь настоящую завесу цветов».

Визит главы Советского правительства открыл перед дружественными странами Азии широкие перспективы независимого развития. Индия, Индонезия, Афганистан, Бирма и многие другие страны, отставшие по вине колонизаторов в своем развитии, опираясь на помощь и на поддержку Советского Союза, смогут теперь добиться поглощения национального хозяйства, ликвидировать более быстро последствия колониализма, достичнуть успехов в области культуры.

Кто иной, кроме искреннего друга, представил бы Индонезии кредит на таких выгодных условиях? По советско-индонезийскому экономическому соглашению, подписанному во время пребывания Н. С. Хрущева в Джакарте, наша страна будет оказывать помощь в содействии крупным промышленным предприятиям, входящим в генеральный план развития Индонезии на ближайшее будущее. Большая помощь будет оказана в области культуры. И все это — на основе полного равноправия, бескорыстно, без всяких условий, при полном невмешательстве во внутренние дела другой страны.

Все это — пример того, каковы ленинские принципы отношений между великой державой и слаборазвитыми странами. Их нужно понять народам, привыкшим давать кредиты, лишь рассчитывая на высокие прибыли, оказывать помощь, обуславливая ее политическими требованием. И не удивительно, что некоторые зарубежные газеты проводят параллель между поездками двух государственных деятелей — Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, который закончил свою поездку по странам Латинской Америки.

«Почти одновременно Хрущев и Эйзенхауэр совершают политические поездки по районам мира, далеко отстоящим друг от друга, — пишет мексиканская газета «Популяр», — Хрущев всегда, куда он приезжал, обсуждал и заключал с правительством договоры о предоставлении долгосрочных займов из низких процентов для того, чтобы эти страны могли провести индустриализацию своей экономики и до-

возвращается в Москву

биться экономической независимости... Эйзенхауэр только говорил о сотрудничестве в целях поднятия общего уровня жизни народов Южной Америки... Но все это было на словах. Он не подписал ни одного договора экономического характера».

О том же пишет югославская газета «Политика», подчеркивая, что во время поездки по странам Южной Америки Эйзенхауэр говорил много приятных слов и дал некоторые обещания общего характера. «Однако, — пишет газета, — ни в одном из документов, опубликованных во время его нынешней поездки, не предусмотрены какие-либо определенные меры по решению проблем, первоочередных экономических. Они остались открытыми, как это было до сих пор. Не придется ли белым родственникам США в будущем бороться с собственными трудностями в единстве?»

Пребывание главы Советского правительства в Индии, Индонезии, Бирме и Афганистане показало вновь, что народы этих стран стремятся к миру, горячо поддерживают советские предложения о полном и всеобщем разоружении. И эта общность интересов, готовность народов отстаивать дело мира, бороться против политики военных блоков и подготовки новой войны — важнейший, знаменательный итог встреч и бесед Никиты Сергеевича Хрущева с государственными деятелями, с простыми людьми дружественных стран Азии.

Миссия мира и дружбы завершена. Она была успешной и плодотворной. Весь советский народ горячо одобряет результаты исторического визита своего посла.

Страна приветствует Никиту Сергеевича Хрущева! Впереди — много добрых дел на пользу и во имя мира!

Афганистан. 3 марта Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев посетил сооружение с помощью Советского Союза Кабульский аэропорт. На снимке: Н. С. Хрущев и Мухаммед Дауд осматривают макет Кабульского аэропорта. Фото А. Стужина (снимок принят от фототелеграфа).

ЭТО ВСЕМ ИНТЕРЕСНО

Французская живопись... Французская скульптура... Французская графика. Издавна они привлекали внимание, интерес в нашей стране. Произведения художников Франции бережно хранятся в замечательных коллекциях музея изобразительных искусств имени Пушкина, Ленинградского Эрмитажа, во многих республиканских и областных музеях. Немало их и в частных собраниях.

Тысячи, десятки тысяч посетителей наших музеев имеют широкую возможность не просто насладиться этим искусством, но вникнуть, разобраться в его истории, путях развития.

И вот на днях в Москве в Музее изобразительных искусств имени Пушкина открылась новая большая выставка. Представлены работы французских художников второй половины прошлого столетия. В основном это произведения, хранящиеся в самом музее, в Ленинградском Эрмитаже, в Саратовском, Смоленском, Кубанском, Ереванском музеях, и в частных коллекциях.

В трех залах музея размещено около 250 живописных полотен и рисунков. Первоклассные произведения Г. Руссо, Дюпюи, Диаса, Добини и других художников, объединенных в школе «барбизонцев», картины Милле, посвященные жизни французской деревни, великолепная живопись Курбе и Коре, картины импрессионистов, чрезвычайно широко представленные здесь, делают эту выставку одним из самых полных и интересных собраний французского искусства.

В связи с предстоящей поездкой во Францию Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Париже вскоре откроется выставка русского и советского изобразительного искусства из собрания Третьяковской галереи.

Всей душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика.

Всем душой на стороне Эренбурга.

Когда он защищает искусство против унылого технократизма. И за это можно быть благодарным писателю.

Но нельзя согласиться, когда Эренбург сводит весь вопрос к тому, что это технократство и физика

УВАЖАЙТЕ МАЛЕНЬКИХ!

ДЕРЕВУШКА над оврагом. Перед окном дома, в котором я живу, по тропинке с утра прохаживается соседский мальчишка лет пяти. На нем обновка — купленное на вырост пальтишко, руки до кончиков пальцев утонули в длинных рукавах.

— Ах, Уткин, какой ты нарядный! — говорят ему разные тети, знакомые и незнакомые.

Я вижу в окно, как он, проводив взглядом очередную комплиментницу и вдруг заново осознав великое событие в своей жизни, начинает топать по тропинке, како-то особенно, с каблучка на носочек...

А вечером его друт. Порт Уткина. Не знаю — за что. Слыши горький вопль, в нем и боль, и душевная обида. Спешу на выручку... Ох, даже нового пальтишко не сням с человека!

Я почему-то вспоминаю этого Уткина, читая письма редакционной почты. Отыщи матеря, дочери и сыновья, учителя из школ пишут о семейных конфликтах, о кризисе отношений между взрослыми детьми... И дети — уже, собственно, не дети, 15—17 лет... Пищут главным образом об этом возрасте, когда на пороге зрелости дети вдруг перестают понимать родителей, родительская власть рушится и на ее обломках рождаются какие-то новые отношения. И мат с отцом уже не могут управлять по старому. И дети полны решимости отстоять свои права.

А я вспоминаю маленького Уткина и этот неостойчивый день его жизни, когда он с чувством собственного достоинства выхаживал с каблучка на носок, а потом ревел и стонал в новом пальтишке под льющим папиным ремнем.

Всем жалобщикам на своих непокорных и упрямых неслыханье мне хочется сказать: уважайте маленьких!

Пишет учительница Р. Лавская из Киева:

«Как состояния может находиться Люда, если она проснулась от ругани, криков пьяного отца, ввалившегося домой среди ночи? Девочка потеряла голос от испуга, и это было тем больше для нее, что произошло накануне утренника, на котором она не смогла выступить — а ведь она с увлечением, долго готовилась к нему со своими подругами».

Пишет М. Лысенко из Краснодара под впечатлением родительского собрания в школе № 28. Он с тревогой высказал рассказ учительницы П. Моройко, а она сообщала одну только непрекращенную правду. Люба Б. перестала ходить в школу. Мати отец долго не хотели объяснять причину, потом признались: «Люба ворует дома деньги...». Вместе с другим сорванцом Валентином Б. она каким-то образом сташла из клуба строителей, находящегося рядом со школой, пачками грават. Когда вызвали мати Валентина в школу для объяснений, мальчик на глазах учительницы ударила мати по лицу и убежал. Спустя несколько дней удалось узнать, что он уехал в автобусе за двести километров, к родне.

Пишет из села Кугульта, Ставропольского края, читатель П. К.:

«У меня две дочки: одна ходит в восемь класс, другая — только в первый. Я хочу хорошо их воспитывать. Младшая охотно ходит в школу, слушает нас, родителей. Старшая тоже хорошо учится. Но по субботам в воскресенье вечером она ходит гулять. Я спросил ее: «Не могут ли эти прогулки помешать в учени?» Она ответила: «Нет, ничего мне не помешает учиться...». А я вас все-таки хочу спросить: «До какого же часа следует ей гулять по вечерам?»

До какого часа — и все ту! Человек спрашивает рецепт.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В ДАГОМЫСЕ»

В «Литературной газете» № 124 и № 147 за прошлый год («Преступление в Дагомысе» и «Чужак») рассказывалось о зверском убийстве матери и сына Астаховых, совершенном жителем поселка Дагомыс И. Целуме.

Приговор Краснодарского краевого суда, осудившего преступника к высшей мере наказания — расстрелу, Верховный Суд РСФСР оставил в силе. Ходатайство Целума о помиловании отклонено. Приговор приведен в исполнение.

<
Николай АТАРОВ
>

Помню Антона Семёновича Макаренко. Ему прислали на отзыв мою рукопись. Я сидел у него в кабинете, в Лаврышинском, — слушал его добрые советы. А в прихожей то и дело звонил телефон. Помню, как недоумевал Антон Семёнович, возвращаясь из прихожей: матеря звонят, просят о помощи, нет сладу с детьми... Все требуют совета по частному случаю, неповторимому, особенному, — а отец хочет получить немедленно, даже заочно...

— Чем же, собственно, могу я им помочь? Что сказать, а?

Он не знал готовых рецептов. А в это время он уже издал свою «Книгу для родителей».

Я и подавно не знаю рецептов. Я только вспоминаю маленького Уткина, его возвышение и падение, и, может быть, не впадая, повторю про себя: уважайте маленьких.

В этом призыва нет никакого открытия. Любая педагогическая брошюра содержит мысль о том, что ребенка надо уважать — значит быть требовательным по причине уважения. Уважать — значит считаться с правами, пусть детскими; с интересами, пусть нитяжными на наш взрослый счет, с особым складом детской мысли, детского чувства.

И, кажется, нужно ли быть особенно дологими и чуткими, чтобы понять и почувствовать, что твой ребенок — личность?

Личность растет, очень быстро развиваются. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове, и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Все дело, думается, в том, что скаковские переходы в развитии человека от колыбели, когда хочется пеленки ножками расстегать, до зрелого возраста с получением паспорта — тысячи. Вы видели, на-верно, как на экране с помощью особой киносъемки воспроизводятся развитие цветка из почки — как пружинит стебель, как вдруг проклевывается желтое ядро бутоня, как выстремливается первый стебелек... Если бы можно было так же снять все стадии развития человека! Человек не хочет быть маленьким. Уже буквально в пеленках — не хочет, брыкается ножками. И вот ему двенадцать лет, а нам кажется — ему все еще одинацать — и не умеют им высказанные или странно выраженные. Такая догадливость в тысячу раз важнее.

Уважайте маленького Уткина! Не говорите ему: ты еще глуп, от горшка два вершка... Не укройте, что вы его кормите и обуваете и потому, дескать... Не кричите на него, когда он станет постарше: — Не смей влюбляться до экзамена!

Все это так же относится к воспитанию человека, как шум трещотки на борьбе с преступностью.

Два читательских письма навсегда сохранились в памяти. Оба написаны давно и на разных местах: одно — из Кемеровской области, другое — из поселка Рижевка Кировской области.

Первое письмо — о трагическом событии. Годы назад я борусь его опубликовать. Писала женщина, некто Яковлева: «Сегодня в нашем совхозе произошел кошмарный случай. Девочка из шестого класса...

са написала записку мальчику, что она его любит. Записка попала в руки мальчишкам, они читали и смеялись. К ним подошел учитель, отобрал записку и отнес директору. Директор тотчас вызвал мальчиков на линию, бросилась к ним в глазах у ребят. Девочка вырвалась и побежала на линию, бросилась под поезд. Школа находится в двухстах метрах от железной дороги, поезд идет каждые пятнадцать минут... Я вам сообщаю истинный факт, ни одного слова не правды. Все это случилось сегодня, вечером в письме. Девочка осталась до утра у железнодорожной насыпи, завтра придет следователь. Я не могу понять, как могли так погубить ребенка, а они все говорят — мы не виноваты...»

Второе письмо от учительницы Галины Ножниковой — почти как ответ на первое:

«В пятом классе девочка написала мальчику письмо. Письмо это передхватили и со злорадством вручили воспитателю. И вот я узнаю о событии от матери. Ни одна из мертвых стояла девочка в учительской (девочка примерная, отличница, аккуратистка). На мой вопрос, — почему она не уроке, мат с багровыми пятнами на щеках ответила: «Будут ей уроки! Письма любовные пишет! Вот отец ее научил!» У меня сердце дрогнуло: знаю ее отца и его «науку»... Через два часа в этом классе был мой урок. Класс встретил меня бурно, как человека свежего, которого можно поразить сногшибательной новостью. «Вот она какая!» Девочка сидела, опустив глаза, румянец заливал ее щеки, но она не плакала... Я решила разрядить атмосферу разом и сказала виновнику: «Кому она написала — Володя? А тебе — нет? И тебе — нет? Правильно сделала! Волода хороший мальчик, много читает, пишет аккуратно грамотно, он заслужил, чтобы его любили. А вам...» Я обратилась к крикунам, никто таких писем не написал? Очень жаль, но, может быть, вы не заслужили? Желаю вам от всей души быть такими как Волода, и также получать хорошие письма». Класс утих. Одни смеялись разочарованно, другие — настолько смешливо. И больше вопрос не поднимался. А его и не следовало поднимать так, как его подняли сначала...»

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все время отставаем, запаздываем в определении душевного возраста своего ребенка. И как ни странно, — чем больше любим его, тем больше запаздываем в своем понимании перемен, происходящих в нем. А перемены происходят скажем. Убежден, что в жизни маленько-го Уткина тот знаменательный день был днем скаквы в душевном развитии. Почтиайте умную и поэтическую повесть ленинградской писательницы Ричи Достия «Два человека». Вся она, — как бы в тон превосходной повести Веры Пановой «Сережка», — продиктована уважением к личности маленького растущего человека.

«Так Валька сразу вышел из возраста, — пишет Достия, — когда необходимо, чтобы тебе поглядели на голове и перешел в другой возраст, когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем это мы давеча говорили с тобой?» Или в другом месте пишет Достия: «Вальке было приятно, что тетя Лиза говорит с ним обо всем, с чем хочет, не выбирая, как другое, это — для взрослых, а это — для маленьких». Или еще категоричнее: «Ончи удивляло его и сердило, — как это люди, вырастая, забывают, что сами они в детстве вовсе не были дураками».

Линия растет, очень быстро развивается. Мы, взрослые, все

Несторий Сарьян

ТРУДНО себе представить, что Мартiros Сергеевич Сарьян испытывалось восемьдесят лет, что он ровесник Александра Блока и Гийома Аполлиера. Осенью я был в Армении; Мартiros Сергеевич хотел показать мне замечательные памятники VIII века; он легко взбирался на крутые скалы, за них не поставили молдые. Он пишет пейзажи с тем неистоством, которое казалось бы, свойственное юноше, впервые увидевшему мир. Он говорит о путях живописи страсти и зодиака. Он вспоминается в любую деталь жизни. Я увидел не поченного академика, а художника, который своей дорогой (конечно, кругой), — по ровной ходят только самозванцы в искусстве) идет все дальше.

Мне хотелось бы не только поздравить большого художника, чудесного человека, но, воспользовавшись юбилейной датой, попытаться рассказать некоторые предыдущие мысли, связанные с его творчеством. Часто можно, например, услышать, что Сарьян испытал на себе влияние западных «модернистов» и что, «свободясь» от дурного влияния, он приближался к реализму. Мне кажется, что Сарьян был живописным реалистом с того самого дня, когда написал первый пейзаж. Он удивительно целен и последователен; слово «манера» к нему не подходит, манеры действительно можно менять, но не глаза и не сердце.

Когда зеленым юношей я впервые приобщался к живописи, я часто слыхал от молодых художников имя Сарьяна; его хорошо знали в России; о нем мне говорили в Париже Шагал, Ларионов, Сутин. В мастерской Мартirosа Сергеевича, да и в Ереванской галерее можно увидеть ранние его работы — пейзажи Арmenии, Гурции, Египта, знаменитые соки Константина. Это не ученические холсты, это вхождение в мир нового, зрелого мастера. Свое отношение живописи он пронес через полвека, никогда не отворачиваясь от современности, ничему не изменился и ни от чего не отрекался. Как у всякоого мастера, у него есть холсты менее удачные, но нет ни одной работы, сделанной в угоду чужим глазам и чужим канонам.

О каком западном влиянии можно говорить? Чехос утверждал, что он испытывал на себе влияние Молассана и что после Молассана неизвестно писать, как писали раньше. П. Н. Толстой говорил, что письмо Чехова напоминает живопись импрессионистов и что после Антона Павловича нельзя писать так, как писал он сам и другие писатели прошлого века. Недавно мы праздновали юбилей Чехова, и никому не пришло в голову говорить о его «модернизме». Чехов оказал большое влияние на многих писателей Запада, и опять-таки я не читал ни одной статьи, которая ставила бы в упрек Хемингуэю или Моравии влиянию русской литературы. Конечно, после импрессионистов, после Сезанна труда, будучи реалистом, видеть мир в его линейной условности. Сарьян, начав писать в 1900 году, а не в 1800-х — это начало объяснения всего «модернизма».

Порой, восхваляя Сарьяна, спешат добавить, что он — художник «солнечной Арmenии». Разумеется, в творчестве Мартirosа Сергеевича много от национального гения армянского народа, от его замечательных художественных традиций;

СОЮЗ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРАГА,

Дорогие товарищи!

Примите глубокое соболезнование со- ветских писателей в связи с бессрочным кончиной большого словацкого писателя и человека, искреннего друга Советского Союза Франтишека Гечко.

Правление Союза писателей СССР

СОЮЗ СЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

БРАТИСЛАВА,

Дорогие товарищи!

Союз писателей СССР вместе с вами глубоко скорбит по случаю смерти Франтишека Гечко — крупного писателя, человека, близкого народу, горячего друга Советского Союза, и выражает соболезнования жене и детям покойного.

Правление Союза писателей СССР

В валюте

большой белой руке Проффи Петрович держал стакан с чаем. «Наверное, так бывает в военном штабе», — подумал Окошкин. — Когда наступлене!»

С командующим военным округом — сказал Баландин, тяча стаканом в лицо в столовой, где стояли телефоны. — И побыстрее, Вася, не задумывайся!

— Это Балага навел, — прошипел Побужинский Криничному. — Помнишь, ты ездишь...

А Проффи Петрович спокойно говорил в трубку:

— Товарищ командующий? Милиция приветствует армию. Ага, Баландин...

На большом черном аппарате загорелась красная лампочка. Криничный взял трубку:

— Машинка с флагом опознана на проспекте Малинина, — доложил он Баландину. — Задержать не удалось.

Начальник кинул, будто этого и ждал.

— С пограничниками соедини! — велел он Криничному. — Знаешь, как?

А может быть, все-таки еще и не пропал машина?

Может, вступится за него Советская держава, за него, за отчаянного парня, за бывшего воина, вступится, надеясь, что выйдет еще из него толк?

Ах, вступись, Советская власть! Охота пожить еще и не пропал машина?

Охота пожить еще и пройтись в выходной день по улице с женой, охота, чтобы люди сказали — вот Жмакин идет, известный человек, а какое у него прошлое, это нас совершенно не интересует, потому что приличное у него настоящее и удивительное будущее.

Вступись же, Советская власть, за Жмакина!

Вступись, диктатура, он плоти твоей парень, рабочий класс, он с дороги не межено сбился, едва не погиб, но ты простила ему ошибку, рабочий класс, ты простила ему, Советская власть, ты, партия большевиков, простила, так вступись же в последний раз, прости рабочего-человека, и бензин, и отых красноармейский, поднимись по тревоге все, кому положено и не положено, и не дайтеба убить человека!

**
Нет, пропал мальчишечка!
Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Поздно, не поспеть!

Какие-то люди вроде бы кидались под машину, пытались ее задержать, но водитель выворачивал барабан и наддавал скорости.

Позд

КУДА ТЫ ИДЕШЬ, ЛИДА?

В РЕДАКЦИЮ нашей газеты пришло письмо. Приводим его, намеренно оставляя некоторую нес骷ность стиля.

Дорогая редакция!

Прошу Вас в следующем номере «Литературной газеты» сообщить мне ваше мнение. Я в 1939 г. окончила 10 классов. Сейчас, в данный момент, я не учусь. Но я думаю, все свои силы отдать на благо церковным делам. Вы не думаете, что я пишу от нечего делать. Нет, это нетак. Но мне кажется, что в основании моего будущего труда будет лежать несколько существенных недоразумений. Всё, раньше я никогда не думала о таком пути и таких науках. Мне жаль, но что делать, в глубине души я допускаю существование Бога.

Прошу Вас сказать, какое у вас мнение. Может быть Вы наставите меня на правельный путь.

Мне несколько не стыдно, что будут читать газету все.

Лида.

Я жду ответ в следующем номере.

Горько за тех учителей, которые, судя по письму, за десять лет учебы не научили Лиду ни элементарной грамоте, ни элементарному мышлению, ни простейшим понятиям о нашем мировоззрении. И все-таки мы решили ответить на письмо, поговорить о той цели, Лида, которую ты ставишь перед собой.

Можно прожить жизнь для того, чтобы каждый день быть ссытым, чтобы только были мягкая постель, почная крыша над головой, теплая печь под боком. Прожить для личного благополучия, не думая о других.

Но молодость больше, чем кому бы то ни было, присущее чувство самопожертвования, искреннего желания принести пользу. И тебе, Лида, тоже хочется отдать свои силы какому-то делу. Возможно, ты думаешь, что с помощью Бога ты сумеешь призвать к добру, воспитывать в людях честность, благородство и другие похвальные душевные качества. Ты можешь возразить: а почему нельзя, кто служит Богу. Поговорим о тебе, кто служит Богу. Поговорим документами, фотографиями.

Взгляни на снимок 1. Звучат песнопения, превозносится хвала всевышнему. На лицах монахинь — печать благочестивого смиренния. В Введенском монастыре, расположенным в центре города Киева, идет служба. Вот и сам монастырь (снимок 2), вот игуменья Елевфения (снимок 3). А вот документ, подписанный этой пониженной благолюбиво здравствующей игуменьей. Он написан в декабре 1941 года, когда гитлеровцы бесчинствовали в Киеве, адресован председателю Киевской городской

ФОТОРЕПОРТАЖ
СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
М. МИХАИЛОВА

управы. В нем черным по белому выражена благодарность немецким вооруженным силам за освобождение от «варваров-большевиков» и просят вернуть монахиням все, монастырское достояние. И монахиня была возвращена, а из ее помещений были вынуты на улицу семьи тех, кто сражался против гитлеровцев.

Обрати внимание на снимок 4. Пожилая монахиня со смиренным поклоном преподносит просфоры. В декабре 1941 года, в дни храмового праздника Введения, с такими же смиренными поклонами благочестивая игуменья Елевфения преподносилась освященная просфоры рейхскомиссару Украины Эрику Коху, присоединив к просфорам еще благодарственную телеграмму на имя Гитлера. А в 1942 году она телеграфно никакие поздравила Гитлера с днем рождения.

Еще раз, Лида, взгляни в лицо старой игумены. Прежде она пресмыкалась перед теми, кто расстреливал в Бабьем Яру киевских женщин и детей, пресмыкалась перед нашими врагами, теперь она старается жить с нами в мире и, наверно, ничтоже сумняющее, воздает хвалу нашему строю. Вглядись в ее лицо и подумай: облагораживать или пристлевать души людей может человек с такой совестью? Подумай и отвечай сама.

Снимок 5: старый монах Киево-Печерской лавры продаёт свечи. Благочестивые верующие отдают ему скромные рубли и десятки. В большинстве своем верующие — люди труда, рубли и десятки достаются им нелегко. Свечки, лампадное масло, подношения — рубли, десятки, сотни, и вот в 1959 году доход в лавре превысил два с половиной миллиона рублей. Причем в граfe этого дохода

Б. ТЕНДЯКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ имени А. М. ГОРЬКОГО

объявляет творческий конкурс

для лиц, желающих поступить в институт в 1960 году

В институте имеются отделения: прозы, поэзии, драматургии, критики и художественного перевода. (Набирается группа переводчиков с узбекского языка).

В институте принимаются творчески одаренные лица не старше 35 лет, имеющие законченное среднее образование и стаж практической работы не менее двух лет.

На творческий конкурс принимаются произведения желающих поступить в институт: рассказы, повести, пьесы, поэмы, стихи, критические статьи и художественные переводы на русский с узбекского языка. Неопубликованные произведения должны быть перепечатаны на машинке; написанные не на русском языке, должны сопровождаться подстрочным переводом, а художественные переводы — оригиналом.

Выдержавшие творческий конкурс получают право подать вместе с установленными документами заявление о приеме в институт и допускаются к приемным испытаниям.

Срок представления произведений на творческий конкурс — до 25 мая.

Произведения, отклоненные Конкурсной комиссией, возвращаются.

Адрес Конкурсной комиссии:

Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ,
Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора),
М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М.
МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С.
ТЕРТЕРЯН.